

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Понятие "необходимости" в сочинении Боэция "Утешение философией".

Андрюхин Максим Сергеевич

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский

факультет, Москва, Россия

E-mail: maxandrukh@gmail.com

В первую очередь обратимся к источникам, на которые опирался «последний римлянин». Боэций использует такой пример: «Если кто-то сидит, то мнение, заключающее, что он сидит, с необходимостью является правильным. И наоборот, если мнение о том, что кто-то сидит, правильно, то он обязательно сидит» [1] (Соп.V, рг. III)

Мы, наблюдая сидящего человека, высказываем суждение, что он сидит. Это суждение с необходимостью истинно. Но наш взгляд не является причиной его сидения, он сидит не в силу нашего зрения, а согласно своей свободной воле, ведь в следующий момент ничто не мешает ему встать. Очевидно, возникает различие между «истинностью» высказывания об объекте и необходимостью его действий самого по себе.

Пример «сидящего человека» мы впервые находим у Аристотеля, что должно говорить нам о его влиянии на рассуждения Боэция. Однако, как отмечает Шарплс [5], в перипатетической традиции имело место не различие истины и необходимости, но двух необходимостей, относящихся к их собственной природе.

Это различие находится в зависимости от нашего понимания. Если мы знаем причину, почему и как произошло то или иное событие, то оно воспринимается нами как необходимое по природе. Если же причины явления неочевидны, то оно, кажется, произошло в силу *случайного* стечения обстоятельств, так сказать, согласно *условной* необходимости (Соп.V, рг. I, 13). Патч пишет, что ни в случае абсолютной причины, ни в случае относительной Аристотель не принимает недетерминированность или непостоянное отношение, а обе они связаны как «единство порядка следования», а случайно лишь то, что нам неизвестно [4].

Влияние Аристотеля отчетливо видно и из повествования в начале V книги, где формулируется понятие «случая». Сама Философия говорит, что в данном вопросе согласна с трактовкой Стагирита, приводя и его пример: «Случай есть событие, непредвиденное для человека, совершающего действие, но происшедшее в результате стечения причин» (Соп. V, рг. 3, 13). Так, если рассматривать мир во времени, то внутри него каждое явление имеет свои обязательные причины, идущие от вечности, ибо нечто не может появиться из ничего.

Однако не стоит забывать вопрос об истинности и ложности высказывания. Этой проблеме уделено особое внимание в трактате Цицерона «О судьбе», самом ценном для нас источнике. Полемизируя с другими античными философами, Цицерон также в отчетливой форме выделяет разницу между причинами случайно предшествующими, и причинами, заключающими в себе природное воздействие (De fato X, 19). Вопрос о роли именно суждения носит особый характер. Цицерон заявляет, что истинность или ложность высказывания не зависит от того, к какому времени (прошлому, настоящему или будущему) оно относится, то есть оно находится вообще вне времени, и мы не имеем силы его изменить, то есть истинное превратить в ложное либо наоборот. Однако это не

устанавливает необходимость судьбы. Мы *сейчас* не можем знать, истинно или ложно некое высказывание о будущем случайном событии, но то, что это событие *необходимо* произойдет или не произойдет – это есть закон. По той причине, что неизвестен его статус, нельзя и узнать изменился ли результат, так как для этого нужно его дожидаться, но тогда, глядя в прошлое, мы увидим цепь условий, которая привела порядок вещей к такому итогу. Иначе и быть не могло, «но вовсе не фатальны были те причины, почему это произошло» (De fato IX, 19). Истинное суждение предрекает событие, которым ничто не мешает случиться вследствие стечения обстоятельств, не имеющих природной силы. Таков пример Цицерона: «Есть ведь и случайные причины, такие, которые позволяют считать высказывание вроде «Катон придет в сенат» истинным, хотя эти причины не включены в природу вещей и в мир. И хотя будущее, если оно истинно, так же невозможно изменить, как и прошлое, не следует из-за этого пугаться судьбы или необходимости» (De fato XII, 28)

Все в мире движется посредством воздействия двух видов причин, однако наши суждения об истинности, так сказать, не могут сами налагать обязательства на события. Каждое явление в будущем будет иметь свою причину извне или изнутри, но знание не может иметь свойство быть причиной, так как причина не только предшествует, но и совершает то, чему служит причиной (De fato XV, 34).

Если знание о природных причинах можно, с оговорками, назвать *знаком* необходимости будущего, то знание случайных причин никак не влияет на непереносимость события, так как необходимость возникнет только с фактом его свершения, а значит будет направлена лишь в прошлое.

Но на чем основывается условная необходимость? Иными словами, где место свободы в этом мире? Цицерон утверждает, что в нашей власти находятся одобрения (assensiones). Потoki пневы, поступающие в нашу душу, оставляют там отпечатки, реагировать на которые она способна «своей собственной силой и природой» (De fato XVII, 40). Таким образом, можно сказать, что душа, подверженная внешнему влиянию, свободно «одобряет» или отвергает, чем запускает цепочки других условных или необходимых причин.

Последний тезис часто связывается с учением неоплатоников о необходимости. Патч пишет [4], что для Прокла телесные вещи находятся под контролем судьбы (fatum), а предметы ума (mens) в зависимости от Разума (Ratio), и поэтому Провидения. Физические вещи движимы неотвратимой неизбежностью, поэтому насколько мы «физичны», настолько мы подвержены необходимости. Или насколько природа нашей души не участвует в «одобрении», настолько она становится частью цепи, сковывающей тела.

Итак, Боэций во многом опирается на античную традицию. Его аргументы поразительно похожи на аргументы Цицерона. В самом конце произведения он эксплицитно устанавливает два вида необходимости, корни которых мы сейчас проследили (Соп.V, pr.VI, 27-28). Следует предположить, что Бог, по Боэцию, является единой совокупностью всех знаков (истин) обо всем происходящем, которую с оговорками можно назвать знанием, так как оно сильно отличается от обыденного представления о знании. Эти знаки, хотя и извечно указывают на прошлые, настоящие и будущие события, все же не налагают на них неизбежность. Причиной этому служит особый статус божественного разума. Его знание суть созерцание настоящего, ибо в Боге, который есть «вечность», все собрание мира определено как «сейчас». Как мы смотрим на стакан,

но не заставляем его тем самым существовать, так и Божественный разум, зрит всю совокупность событий всех времен, не сковывая ее необходимостью.

Литература

1. Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 2009.
2. Boethius Anicius Manlius Severinus. De consolatione philosophiae. Opuscula theologica. Munchen, 2000.
3. Cicero: On Fate (De Fato) & Boethius: The Consolatio of philosophy (Philosophiae Consolationis) IV.5-7. V, Warmister, 1991.
4. Patch H. R. Necessity in Boethius and the Neoplatonists // Speculum, Vol. 10, No. 4 (Oct., 1935).
5. The Cambridge companion to Boethius, Cambridge, 2009.